

КЛ-1459993

ос

ОБ АВТОРАХ

Владимир КУДРЯВЦЕВ
(1953-2013).

Замечательный русский поэт,
автор многих поэтических
сборников, книг прозы
и публицистики.

С 1976 года жил на Вологодчине.
Работал в журналистике,
начальником областного
управления культуры.
Член Союза писателей
России с 1993 года.

Андрей СМОЛИН (1959).

Известный вологодский
журналист, литературный
критик, прозаик.

Родился в Вологде.

С 1983 года работал
в журналистике.

Автор 10 книг, многочисленных
публикаций по литературе
Русского Севера.

Член Союза писателей
России с 1997 года.

**Владимир Кудрявцев
Андрей Смолин**

**СВЕТ
ПАМЯТИ**

*Спасибо, одолень-трава,
За силу чувства.
Спасибо, горе-голова,
За безрассудство.*

*Спасибо, рощи и леса,
За птичье пенье.
Спасибо, девица-краса,
За вдохновенье.*

*Спасибо, горница-изба,
Поклон порогу!
Спасибо, странница-судьба,
За путь-дорогу.*

*Спасибо, добрый человек,
За память сердца.
Я остаюсь с тобой навек
Единоверцем.*

*И вместе жили мы, и врозь.
Спасибо, люди!
А то, что в жизни не сбылось,
Жалеть не будем...*

Владимир Кудрявцев

Владимир Кудрявцев
Андрей Смолин

СВЕТ ПАМЯТИ

(Литературные портреты)

Вологда
2014

Редактор – С.Тихомиров

У этой книги могло быть другое содержание. Дело в том, что в последние годы мы много работали рука об руку. И не раз при встречах говорили о том, что пора бы нам собраться и обстоятельно поговорить о времени и о судьбе, обо всех наших товарищах, многих из которых к тому времени уже не было на белом свете. Предполагался большой диалог-беседа. Как раз в это время Владимир Валентинович много работал над очерками о писателях-вологжанках. У него накопился огромный фактический материал на эту тему, который требовал осмысления. Но у каждого из нас были свои планы, как казалось тогда, не требующие отлагательства. И вот теперь приходится хотя бы так завершить наш несостоявшийся диалог...

Пусть эта книга будет ещё одной искрой памяти о замечательном человеке Владимире Валентиновиче Кудрявцеве.

Андрей СМОЛИН

Вдвоем у печки

Щекочет утро нос дымком.
Стою на улице – и сонно
Вытаивает за стеклом
Печь ликом умиротворенным.
В заулке снег крахмально бел!
Как вкусно захрустели лыжи!
И я почувствовал – прозрел –
Душой не только слышу – вижу!..

Володя для меня рифмуется с Вологдой, где он живёт. Не все здесь, может, и не слышали Володиных стихов, но многие его знают как доброго человека.

А поэзия в Вологде растворена в воздухе. Может, потому и не очень её замечают – просто дышат ею. На поэта вологжане смотрят как на соседа или приятеля. Встретив в магазине, автографа не просят. Он же наш, здешний, мы его с детства помним...

И вот вижу, как Володя идёт сквозь снег по Пушкинскому бульвару. Как он переходит площадь и оказывается на улице Лермонтова, потом спускается к реке, а с другого берега, из Заречья, выбегает к нему улица Николая Рубцова, и можно перейти к ней по льду. А там – низкие крыши, высокие сугробы...

Кстати, зимой мы и познакомились. Мороз тогда был – как в Володиных стихах.

Утром птицы каркали – не пели.
Над избой, над полем, над рекой
Солнце шло по небу еле-еле
С красной обмороженной щекой.
В дреме, съёжась, индевели тени.
И в пути, вздремнув, услышал я,
Как скрипел, звеня на всю деревню,
Снег под хрупкой лапкой воробья...

Середина 1980-х. Володя в ту пору был редактором вологодской молодёжной газеты. Я приехал на зимние каникулы и, запертый холодами дома, написал заметку в газету. И вот иду в редакцию. Бабушка уговорила меня сменить хлипкие ботинки на дедовы валенки – и ногам тепло, и душе весело. В редакции по случаю праздников пустынно. Заглядываю в редакторский кабинет: окна затянуты инеем, а за столом сидит человек, чем-то похожий на молодого генерала эпохи войны 1812 года. На плечи у него наброшено пальто, кудрявая голова склонена над рукописью... И вдруг меня стали смущать мои валенки. Не к месту вспомнились «Ходоки у Ленина». Я решил зайти как-нибудь в другой раз. Но тут Володя заметил «ходока», поставил чайник, и мы проговорили до сумерек.

Через несколько лет он взял меня на работу. Тогда я узнал, что Володя родился в костромской деревеньке Попово, а школу окончил в Сусанино (прежде называвшемся Молвитино), где жил в далёком семнадцатом веке Иван Сусанин.

За окнами гудят метели.
Тепло у деда на руке...
Во сне иль наяву слетелись
Зимою лебеди к реке.

И пробирается лесами
На свет дрожащего огня
Такой, как дед, – Иван Сусанин,
Зовя по имени меня...

Отрочество Володи прошло у стен местной Воскресенской церкви, запечатлённой Саврасовым на той самой картине, где грачи прилетели. Вот так и поэзия слетела на душу деревенского мальчика – внезапно, как эти грачи, как первая любовь, нахлынувшая вместе с сырым мартовским ветром...

Грачиные гнёзда на кронах сквозных
Тяжёлыми шапками вслед мне помашут...

С таким редактором, как Володя, в нашей редакции все стали немного поэтами. И даже читатели вместо того, чтобы писать в газету жалобы, посылали нам свои стихи. Или прямо приходили в редакцию и читали нам свои сочинения вслух. Некоторые пели под гитару или гармошку.

Стихи или обзоры поэтической почты выходили в газете каждую неделю.

Но тут Володю перевели на другую работу. Газета во все оторвалась от бренной земли и вскоре исчезла. Её давно уж нет.

Но жива в Вологде память о месте, куда можно было без смущения прийти в валенках; где людей с улицы встречали по-домашнему, поили чаем, давали взаймы, а на подоконниках как воробьи сидели разомлевшие от тепла поэты.

Трещит подтопок разгораясь.
И слышно мне, как за окном
Метель, как будто бы живая,

Обнюхивает шумно дом.
В хлеву тревожатся овечки.
Гудят промерзшие столбы.
А мы сидим вдвоем у печки
Под завывание трубы...

Дмитрий ШЕВАРОВ

«Российская газета» (Неделя)
от 16 февраля 2012 года

Владимир Кудрявцев

*

Куда уходит время?

(Заметки о творчестве Андрея Смолина)

* * *

Андрею Смолину было два года, когда 25 июля 1961 года в Вологде «родилось» отделение Союза писателей РСФСР. Кто бы знал, что ровно через пятьдесят лет именно он будет писать юбилейный очерк об истории Вологодской писательской организации (на 25-летие писал Александр Романов).

Но так расположились на небе звёзды, и так распорядилась на земле судьба, что именно ему отведены судьбой и право, и ответственность подвести итоги полувековой жизни писателей-вологжан. Оба вологодских критика – Василий Оботуров и Вячеслав Белков – к этому времени ушли из жизни.

Но призван был Андрей Смолин в литературу и для того, чтобы сказать слово о поколении поэтов и прозаиков, рождённых в пятидесятых годах прошлого века, чтобы, опираясь на традиции «вологодской школы», ввести «потерянное» поколение в единый литературный процесс и представить читательскому сообществу имена его талантливых и незаслуженно забытых представителей.

Одну из своих книг он так и назвал – «Рождённые в пятидесятых» (литературно-критическое обозрение, Вологда, 2012). Во вступлении к ней он написал:

«Нередко думаю: какое богатство стихотворной культуры Вологодчины пропадает втуне. Даже не так: оно не пропадает, а разбито на фрагменты, редко находя выход к читателю какими-то яркими и своевременными обобщениями в литературной критике. По сути, мы даже не все имена сразу вспомним; некоторые из поэтов-современников известны лишь специалистам да истинным поклонникам таланта того или иного стихотворца.

Но справедливо ли, что мы проходим мимо целого поколения поэтов (да, уже проходим!), которые в иных условиях культурного бытия могли бы иметь заметную славу в том или ином государстве!?. В этом нет преувеличения. А ведь это наши современники...».

Андрей Петрович писал эту книгу с надеждой, что когда «потомки, даст Бог, проявят интерес к поэтам, оставшимся в тени великих имён, то его заметки на полях книг своих современников помогут будущему читателю «воссоздавать портрет нашего поколения, чтобы иметь полное представление о поэтической Вологде второй четверти XX века – начала третьего тысячелетия...».

Со своей стороны хочу сказать краткое слово и о нём, тоже, кстати, принадлежащем к этому же послевоенному поколению.

* * *

В отличие от нас, выходцев из русских деревень, он родился в Вологде, хотя детство своё провёл в Кадниковском детском доме, и потому считает, что и он душой больше «деревенский» или «райцентровский». Этот был тот самый детдом, в котором до него воспитывался и композитор Валерий Гаврилин. Андрей помнит даже «крёстную» Валерия Гаври-

лина: «Приходила такая скромная сгорбленная старушка, ей было много лет, она была ночной сиделкой. Садилась у печки, и тут же засыпала, а мы ещё успевали пошалить, когда уходили воспитатели».

В детдоме он вместе со всеми участвовал во всех хозяйственных делах. Андрей вспоминает, как они ходили на покосы грести сено (были свои лошади), как укладывали дрова (огромные поленницы, между ними играли в прядки), дежурили по столовой, убирали двор.

До сих пор живы в памяти весёлые масленицы, когда «все организации города выезжали на своих лошадях, запряженных в сани». А главное – осталось в сердце ощущение, будто ото всех, кто был рядом, исходила светлая доброта: «В моей жизни уже не было этого ощущения добра, как в те четыре года, которые я провёл в детском доме».

Воспитателями у них были дочери погибших фронтовиков. Они приходили из Сокольского педучилища, а женщины постарше были солдатскими вдовами.

В 2011 году детский дом сгорел – не сберегли. А я помню, как Андрей водил меня по Кадникову, когда я снимал документальный фильм о Валерии Гаврилине. Мы долго стояли перед двухэтажным деревянным зданием, где будущий композитор (да и сам Андрей тоже) провёл свои лучшие годы.

В 1966 году Андрей переехал в Вологду и стал жить дома. Учился в городской школе № 8. Свою родословную знает только по материнской линии. Мать училась в сельхозинституте, который располагался в зданиях бывшего Царскосельского лицея. Она рассказывала ему о многочисленной фамилии Смолиных – о прапрабабушках и прадедах, тётушках и дядюшках. Среди них кого только ни было. Даже дворянки были (одна из них – Алла Дмитриевна, младшая сестра

прабабушки – была необыкновенно прекрасна, в такую женщину вполне можно влюбиться даже по фотографии). Среди родственников были мещане и чиновники губернского правления, майоры и прапорщики, и даже... содержатель, как тогда говорили, фотографической литографии, на «карточках» которого золотым тиснением выгравировано: «Фотография Н.Н.Смолина в Вологде, на Московской улице, в собственном доме» (это двоюродный брат прадеда): «Это почему-то особенно грело сердце, вспоминает Андрей, словно та «фотографическая литография» принадлежала мне самому...»

Вспоминая о далёких, но неведомых ему родственниках, Андрей однажды с грустью и горечью напишет: «Всех «выбил» проклятый двадцатый век. Братья бабушки погибли на войне, их детей разметало по стране, а ведь какая огромная семья могла быть! Почти никого не осталось, а фамилия, вероятно, и закончится на моём сыне, у брата дочери уже поменяли...»

В связи с его фамилией приведу строки из дневника: «Позвонила Наташа из Питера: полчаса назад умер д. Гоша...»

Дядя Гоша – это Георгий Яковлевич Смолин. Он родился в Вологде в 1930 году. Детские годы провёл в Тотьме, у своей бабушки, которую очень любил. Закончил 1-ю вологодскую школу с золотой медалью. В 1948 году поступил на Восточный факультет Ленинградского университета им. Жданова. Был крупнейшим специалистом в России по истории средних веков Китая. До конца дней оставался убеждённым коммунистом, верным СССР.

«Не будь дяди Гоши, не было бы этой «ленинградской» ветви нашей семьи. А так, конечно, это было счастье. Ещё в детстве помнились его приезды в Вологду, всегда – ощущение большого человека, предельно умного. Ну, и Дибуну в дет-

стве... И потом, моя учёба в Ленинграде. Снова его приезды в Вологду, наши долгие разговоры по телефону. Сколько всего мы переговорили! И всё кончилось...»

Эта запись от 1-го ноября 2011 года. От первой записи, сделанной им в дневнике, её отделяет тридцать семь лет. Андрею было пятнадцать, когда он записал:

«2.1.74. Сегодня я начинаю дневник. Это журнал жизни. Все великие люди, например, Л.Н.Толстой, высоко ценили дневники за их пользу в воспитании себя. Я долго готовился к этому маленькому событию в моей личной жизни, и, наконец, это свершилось. Это 15-й год моей жизни. Я закончу 8 классов. Передо мной встанет задача – выбрать профессию, которая бы была по душе, а тогда и работать можно продуктивнее, свободнее, вдохновеннее. «Все профессии хороши», - сказал Маяковский. В любой работе много радости, которая так необходима человеку. Сегодня я записал первую страницу дневника. Я думаю, что писать нужно каждый день, в любых условиях...»

Когда я узнал о школьном дневнике, то попросил Андрея познакомить меня с ним. Он не отказал. Перелистываю страницу за страницей и открываю для себя удивительный мир юного гражданина страны Советов, а через него и приметы того достопамятного времени, когда шло становление человека и будущего критика.

Он уже тогда, читая в журнале «Искусство кино» критические статьи о полюбившихся ему фильмах, обращается к их авторам: *«Мой призыв вам, критики – уважайте людей...»*

Позже, когда он, будучи уже взрослым человеком, вернулся к своим дневникам, то читал их не без удивления. Думаю, и не без радости, не без гордости за своё поколение и даже оставлял к ним «взрослые» комментарии. Если чи-

тать выдержки из дневника 1974 года с его комментариями, сделанными уже не в стране «победившего социализма», а в стране неуправляемой демократии, когда у нынешних восьмиклассников появились другие герои для подражания, то интересный, скажу я вам, получается у него диалог с самим собой, неожиданный и поучительный.

В дневнике пульсирует живая душа восьмиклассника. Прислушаться к ней, да в наше развращенное время – всё равно, что глотнуть свежего воздуха.

У него уже тогда появляется свой взгляд на прочитанные книги:

«Последний, 31 день января. 19.30. Сегодня закончил читать «Никодимово озеро». Вещь о молодежи, нравственная повесть, но события очень путаные, отношения героев мне показались не очень современными...»

Комментарий:

«Я уже тогда читал такой журнал, как «Искусство кино». Зачем мне это надо было? Сколько, интересно, подростков того времени читали его в 250-тысячной Вологде того времени? Думаю, что очень мало...»

«5.1. Жизнь прекрасна и удивительна», – писал Горький. Самое дорогое, что есть у человека, жизнь, прожитая с пользой для других, а кто живёт для других, тот бесконечно счастлив. Так, проживём и всю жизнь на «отлично». В добрый путь, в жизнь...»

«Сегодня в «Комсомолке» поставлен интересный вопрос. Стоит ли прожигать жизнь? Что такое «прожигание» жизни? Одна девушка, очень довольная собой, собственной красотой, написала в «Алый Парус», что она «прожигает жизнь». Вообще, спорно, что она считает «прожиганием жизни»: это поверхностная любовь, поцелуи в парках, вечеринки

с погашенным светом, вообще это просто ничегонеделание, а не прожигание жизни...»

«16.1. среда. Великая жизнь, жизнь – подвиг. Сейчас показывают «Как закалялась сталь». Образ Корчагина, все образы, созданные Островским, сотни противоречий, побед, ужасы жизни. И всё это заслоняет борьба. Борьба с врагами, с самим собой. Это очень трудно – победить себя. Но надо, во всём, всегда уметь победить...»

Комментарий:

«То общество утверждало культ героя. В любых обстоятельствах! Не в том ли, в 1974, году, а, быть может, годом-двумя раньше, всю страну всколыхнул очерк Константина Симонова о молодом механизаторе Толе Мерзлове. Помнит ли кто сейчас ту историю? Жарким летним днём вспыхнуло поле зерновых. И вот молодой парнишка, недавний выпускник сельского профтехучилища, в одиночку на тракторе начинает бороться с огромным пожаром, опахивая плугом его очаг. К тому же он пытался спасти колхозный трактор, старенький, латанный-перелатанный, но только что полученный под расписку у председателя хозяйства... Он получил смертельные ожоги, но дождался помощи. Было ему восемнадцать или девятнадцать лет...»

Одной из тем симоновского очерка была такая: а надо ли было идти на подвиг, стоило ли это поле зерновых жизни, единственной и неповторимой, молодой, ещё, по сути, не состоявшейся, в самом её начале? И писатель утвердительно говорит: да, стоило, подвиг – это норма жизни! И мало кто в то время захотел бы такое утверждение оспорить...

В «то» время всё решалось «просто». «Раньше думай о Родине, а потом о себе», – такой рефрен задавал ритм жизни каждого человека...»

А вот как внук пишет о бабушке: «Ею каждый из нас может гордиться. На ней лежат заботы по дому, но кроме них, она – человек, человек с большой буквы. Её основная черта – трудолюбие. Каждому бы его и наша страна была бы во всём первой. Моя бабушка – незаменимый человек в семье, в обществе. Это эталон жены, матери, сестры, да и вообще любого хорошего человека...»

Уже в те годы он размышляет о вдохновении, будто предугадывая свои будущие творческие муки: *«Это интересная штука – вдохновение. Человек может сделать очень многое, когда оно приходит. Оно может прийти по разным причинам: новая мысль, человек, который вдохновляет другого на какие-то поступки, хотя писателю, например, вдохновение необходимо каждый день, ночь, почти всегда. Оно приходит к нам часто, но если человек ленив, он ничего не сделает, хотя, может, и жил этой мыслью. Вот поэтому вдохновение – не для ленивых...»*

И тогда он не ленился и вдохновенно откликаться на все события современной жизни:

«21.1, понедельник. Сегодня 50-летие со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Великого сына русского народа, вся жизнь которого яркий пример для многих миллионов коммунистов, и вообще всех людей...»

«23.1. 70 лет Гайдару. Советскому детскому писателю. Повести его во многом были автобиографичны. Считаю его для многих примером служения долгу, Родине...»

«3 февраля, воскр., 19.00. Сегодня в «Комсомолке» высказана интересная мысль: «Две недели» силы воли. Мне мысль показалась интересной. Две недели воспитания себя, собственных эмоций, мыслей, тела, духа. Спартанский образ жизни, десятки книг, шесть часов сна – это показатель двух

недель. Это интересно, но я думаю, что в эти две недели надо характеризовать себя и свой день на страницах дневника. Надо попробовать...»

И он пробовал, он читал, он думал, он ответственно готовил себя к жизни в обществе, в котором под видом морального кодекса строителя коммунизма, по сути, исповедовались «библейские заповеди».

* * *

В одном квартале жили рядом с ним ещё один «благоверный октябрёнок-пионер», преданный «делу Коммунистической партии» мальчишка, – Слава Белков: «Два юных вологжанина, один – почти юноша, другой – незрелый отрок, маленькие «гении» с тощими тетрадками стихов или прозы – сталкиваются посреди обыкновенного двора на улице Менжинского...»

Недалеко от них жил в доме МВД у дедушки и третий «гений» – Дима Шеваров. Тогда они друг друга ещё не знали, но соседство их, как показала жизнь, было совсем не случайным и впоследствии вылилось в настоящую человеческую и творческую дружбу.

У них удивительно схожее ощущение детства и эпохи. У Андрея Смолина есть повесть-эссе о Вячеславе Белкове и в ней много примет той во многом благословенной и действительно счастливой их мальчишеской жизни. Обращаюсь к ней потому, что внутри вологодских дворишек становились характеры, «вызревали» оригинальные таланты, намечались непростые жизненные пути и непостижимые русские судьбы. «Среда обитания» и сегодня во многом, согласитесь, определяет мироощущение человека, его самочувствие в городе, воспитывает его чувства – любви, добра и красоты.

Однажды, гуляя в Октябрьском сквере, я через ворота у Дома Волкова (4-я ДМШ) увидел пейзаж с церковью, очень похожий на «Московский дворик» Поленова. Будете проходить мимо, обратите внимание. Я поразился их внешней схожести и подумал о том, что любой такой дворик – это часть нашего мира, а для тех, кто в них вырос, – это еще и часть жизни.

Мы, живущие в новых микрорайонах, где порой нет ни улиц, ни дворов, уже никогда, выходя из дома, не почувствуем себя так хорошо и спокойно, как чувствовали себя люди, живущие когда-то здесь – в старых вологодских двориках.

Тогда, выходя из дома, человек не сразу попадал в мир большой. Путь его пролегал сначала через двор, и он как бы из узкого круга семейного переходил в круг общий – соседский. И лишь потом, отворив калитку или ворота, человек погружался в мир родной ему улицы, которая связывала его с другими двориками.

Жителем же города человек ощущал себя уже на центральной площади (двор наоборот) с собором и другими церковными и общественными зданиями и постройками. Переходя из круга в круг, перетекая из одного пространства в другое, человек незаметно подготавливал себя к встрече с городом. И мир его уже не казался ему чужим, поскольку был он органично связан с миром его семьи и обжитого двора.

Вячеслав Белков писал:

«Вологда... Здесь, в этом старинном городе, живёт моя душа. Здесь она возникла, росла... Когда я на время покидал родной город, душа моя заболела, засыпала тяжёлым сном, и хозяин её даже себе самому бывал в тягость... Человек привыкает к домам, к родным и знакомым лицам. А мне иногда кажется, что я прирос к самому месту, где стоит моя милая Вологда, прилепился к её тёплому воздуху... И даже если наши

«учёные архитекторы» в смертной битве с охраной памятников победят и всё здесь сравниют с землёй, то и тогда, на горьком пепелище, я буду знать и чувствовать свою родину».

Теперь на месте его «родового» дома – площадка перед стеклянно-бетонной гостиницей «Атриум»: «Он так и не увидел, во что неуёмные головы превратили один из уютнейших уголков милой ему Вологды...»

А это уже размышления Димы Шеварова:

«Только недавно я осознал, – пишет он в своём эссе «Сны о чём-то большем», – что моё детство прошло в месте необычайно глубоком, в чём, конечно же, нет никакой моей заслуги. Просто так получилось. И теперь я часто ловлю во сне или наяву подспудные толчки, идущие ко мне от обожженной мной земли...»

Вокруг меня жило много светлых, гениально светлых людей, которых я не знал. Но их присутствие рядом что-то творило во мне, со мной – то, о чём мне и сейчас не сказать, потому что не всё угадано, не всё открылось. И не всё откроется. В этом тоже есть свой смысл. Тайна Места должна оставаться неразоблачённой тайной, как всё детское, толкающее нас, взрослых, проникновенными, мгновенными толчками памяти. И в памяти этой, в личной нашей античности, в истории нашего древнего мира, – здесь лучше быть не археологом, а поэтом. Место нашего детского пребывания, потерянное во времени, обретается во всём своём обаянии и становится идеальной точкой прибытия...»

У них была своя «территория пространства», её, по словам Белкова, «надо было обязательно обойти, освоить, чуть ли не обнюхать...» Её надо было охранять и беречь.

Из записок Андрея Смолина:

«...Сейчас, на прогулке, проходя по ~~любимой~~ ~~Пряте-~~

ченской, вдруг завернул в тот двор. Наш двор! Вроде, всё как прежде. Вот тут, на углу, стояла церковь св. Екатерины. Для Вологды, может, и обычное явление, но тут дело в ином – она была единственной и неповторимой. Тут я вспомнил, что в этом дворе было Вячеславу Сергеевичу явление Галактиона Вологодского. Он сказал: «Нет у нас книги родства!». Попробуй, пойми: чтобы это значило? Что такое книга родства? Сама известная – Иисуса из Назарета...»

Думаю, это в их жизни и есть то главное, что отличало и отличает мальчишек тех лет от их нынешних сверстников, – мучительно-жгучее постижение родства и обретение внутренней цельности. Родства – со своим двором, с городом, друг с другом, со своим поколением, с родным Отечеством и миром.

Андрей Смолин именно из этого поколения граждан древней Вологды.

* * *

Вот с таким благородным душевным настроем, с такой незапачканной биографией, с такой жадой подвига и служения Родине он появился в училище связи № 30 и сразу попал «под крыло» талантливого педагога, одержимого литературным краеведением, – Валентины Станиславовны Старковой.

Судьба была к нему благосклонна и будто вела по жизни к намеченной цели, готовя его к писательскому труду. Можно представить, как благодатно легли тогда на его юную душу, как перекликались с ней и в ней отзывались слова Александра Яшина, которыми Валентина Станиславовна начинала в училище каждый учебный год:

«...Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия

порой захватывают меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья. И еще хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полета души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда не забывал бы этого животворящего, очистительного, святого чувства».

Андрей Смолин был старостой литературного кружка «Яшинская рябинка». Вёл его дневник. Где только он с «Яшинской рябинкой» ни побывал (Никольск и Москва, Ленинград и Волгоград). С кем только из писателей – друзей Яшина – ни встретился (Всеволод Вишневский, Всеволод Азаров, Злата Константиновна – вдова Яшина, Борис Непейн). Кружковцы вели переписку с поэтами, знавшими Яшина, – М.Алигер, В. Кавериним, С.Лесневским, вдовой М.Пришвина и многими другими. Сам Андрей писал, например, Евгению Евтушенко и Владимиру Солоухину.

Осталась в памяти поездка в Дунино – в дом Михаила Пришвина (рядом с ним одно время Александр Яшин снимал дачу). Их встречала вдова писателя – Валерия Дмитриевна. Андрей вспоминает: «Какая там природа! Родиться можно где угодно, но пожить в таком месте – это, наверное, счастье!»

Он был среди тех кружковцев, о ком писала Валентина Станиславовна: «Помню, как слушали Валерию Дмитриевну мои ребята – для них и для меня это была необычная встреча с удивительной женщиной и с жизнью её дома и усадьбы. Встреча с миром, вроде бы и утраченным нами, но именно с тем миром, который мы пытались тогда найти и обрести в самих себе и по которому искренне тосковали – каждый по-своему...

На книжке «Моим молодым друзьям» Валерия Дмитриевна написала: «Лит. кружку в любимой нами Вологде –

«Яшинской рябинке». Спасибо, что потрудились и приехали в Дунино! 21/5 -76г. В.Пришвина.

Запомнилась Андрею и дружба с писателем-краеведом Борисом Сергеевичем Непеиным: «Моя бабушка танцевала с ним на гимнастическом балу (они с одного 1904 года). Представить только, как размыкалось время для моего воображения. Это был милый-милый старичок, добрый, покладистый. Поил меня чаем с варением...»

Кружковцы собирали воспоминания поэтов-земляков об Александре Яшине: Сергея Чухина, Германа Александрова, Леонида Патралова, Владимира Ширикова. Вместе со всеми он собирал для яшинского музея рукописи и книги, дневники и фотографии, письма, вещи и автографы...

«Что там говорить, признаётся Андрей, всех писателей-вологжан я узнал много раньше, чем с ними познакомился. Это уже общее место. И печататься я стал благодаря «Яшинской рябинке». Писал отчеты в газеты. А потом даже короткие рецензии. Так и пошло...»

Каких только открытий для себя он ни сделал в те благословенные годы. Валентина Станиславовна права: «Мы не только собирали, но и сами в разных жанрах записывали свои впечатления от встреч и поездок – в стихах и путевых заметках, в эссе и в дневниках. И, конечно, размышляли над ними. Уже и наши записи, не побоюсь сказать, сами обрели с годами историческую ценность. Ведь в них кроются мучительные духовные поиски юных земляков поэта. Есть в них и свои ответы на некоторые не простые вопросы...»

Среди тех, кто писал, размышлял, искал ответы, был и кружковец Андрей Смолин.

Потом было Ленинградское высшее военное училище связи. Там он уже активно сотрудничал с окружной газетой

«На страже Родины». Потом учёба на факультете журналистики Ленинградского университета.

В судьбе Андрея Смолина Валентина Станиславовна Старкова, безусловно, сыграла особую роль. Это она, как вспоминает сам Андрей, заставила его писать заметки в газету, а потом привела «за руку» в газету «Вологодский комсомолец». Это было уже при мне, когда я редактировал молодёжную газету, и потому помню скромного, но уверенного в себе молодого человека, появившегося на пороге кабинета. Я предложил ему, как сейчас помню, необычное дело, а именно – поразмышлять над статьями из морального кодекса строителя коммунизма. Не каждый, знаю, за это взялся бы, но Андрей согласился. Он, казалось мне, по ним и жил. Потом он съездил в командировку (Верховажье), а через некоторое время мы приняли Андрея в штат редакции по отделу рабочей и сельской молодёжи, который возглавлял известный ныне журналист и писатель Анатолий Ехалов.

Позже Андрей напишет: «У каждого человека в жизни есть люди, которые нередко становятся роднее самых родных и близких по крови. Так сложилось, что Валентина Станиславовна не ушла из моей жизни даже после окончания ПТУ. Стал ли бы я без неё литератором или журналистом? Всего скорее, да; писательский зуд преследовал меня с детства. Но без неё, наверняка, вхождение в литературную среду было трудней и сложней, затянулось бы на многие годы. А так с её участием всё получилось довольно легко, будто бы по накатанной колее...».

Тут Андрей, конечно, бравировует. Не думаю, что у него «всё получалось легко», и знаю, что далеко не всё сразу и уж совсем шло порой не «по накатанной колее». Правда, изначально было понятно, что это человек творческий, умеющий думать и размышлять.

Нужны были годы работы в газете, нужен был характер, вера в себя и своё призвание, учёба на Высших литературных курсах в Москве, чтобы сначала утвердиться самому на избранном пути, и уже потом завоевать признание у коллег по литературному цеху.

Валентина Станиславовна, по признанию Андрея, была не только сердечным и добрым человеком, но и требовательным – к себе и своим бывшим ученикам. Андрей помнит, как она попеняла ему: «что-то редко бываешь на вернисажах в «картинке», не видно тебя и на музыкальных вечерах. Мне стало стыдно, как провинившемуся школяру...».

Где они нынче – такие вот неравнодушные наставники, которые не выпускают из поля зрения своих выпускников и тогда, когда у самих учеников уже вырастают дети?! Где те «сказочные дворы», из которых выходят «в люди» добрые, щедрые и благодарные ученики? Где тот город, который хранил, как оберег, и согревал домашним теплом человека даже вдали от родного дома?..

Прав его собрат по перу и по детству писатель Дмитрий Шеваров, когда в своей «Сокровенной тетради» написал: «Всё, что мы узнали о звездах потом, во взрослой жизни — это почти ничего в сравнении с тем, что открывалось нам летними вечерами. Было ощущение всей Земли — как родного двора. Было чувство любви, льющейся с неба...»

Прав и старший собрат-вологжанин Вячеслав Белков, выражая в стихах общую для всех надежду:

А может, после нас
Ведь тоже люди будут!
И может, может быть,
Нас не совсем забудут?..

* * *

Время неумолимо, а новое время, ворвавшееся в нашу жизнь на рубеже столетий, как-то разом выхолодило некогда тёплые души. И мы, родившиеся в пятидесятых годах двадцатого века, вдруг оказались один на один с собой на вселенском сквозняке и по-сиротски топчемся на обочине жизни. Будто остались мы обманутыми в своих ожиданиях и вере – без любимой Родины, ради которой жили и творили, без будущего, всё, созданное нами, в новой России не пришлось ко двору, без цели, у новых поколений она другая – прагматичная, без идеализма и романтизма, с привкусом безудержного потребления.

Потому, может, и обратился Андрей Смолин к поэтическим судьбам своего «забытого» поколения, потому, наверно, так проникновенно и звучат его слова, написанные о творчестве собратьев по перу ...

В четырнадцать лет он взывал: «Критики, уважайте людей!». Со временем этот призыв стал для него девизом в творческой работе. Его слово о современниках, как правило, внимательно, уважительно и памятно: «Я человек благодарный. Жизнь так складывалась, что далеко не всегда удавалось быть благодарным. м.б., раньше просто не умел этого делать...» (23.12.11.)

К поэтам своего поколения он обратился тогда, когда уже «научился быть благодарным» и вошёл в поэтический мир наших классиков – Константина Батюшкова и Алексея Ганина, Александра Яшина и Николая Рубцова, Сергея Орлова, Виктора Коротяева и Михаила Сопина. О каждом из них он написал или статью, или эссе, или книгу.

Но когда он подступался к поэтам, рождённым в пятидесятых, я не только приветствовал его, считая, что он взялся

за нужное, но деликатное дело и что, кроме него, взяться за него некому, но и по-дружески предостерегал его. У нас даже по этому поводу возникла полемика в письмах. Я в частности, писал ему:

«Мы, поколение 1950-х, в большинстве своём работали и работаем как раз в поддержании литературной традиции – и традиции именно классической. Но это тоже важно и для этого тоже надо иметь призвание и талант, волю и трудолюбие. Тут я согласен с Вадимом Кожиновым: «только осуществив творческое приобщение к традиции, писатель может стать необходимым звеном в вековой цепи литературного развития; не решив этой задачи, он обречен на простую фиксацию примет своего времени... Кто мы, пишущие сегодня? Эпигоны или стилизаторы? Фиксаторы примет своего времени?..».

Вот что, как я думаю, нужно понять нам прежде всего. И уже потом искать в каждом свою «особность»: «Чем выше поэт, тем оригинальнее мир его творчества... их поэтическая деятельность ознаменована печатью самобытного и оригинального характера. В этой характерной особенности заключается тайна их личности и тайна их поэзии. Уловить и определить сущность этой особенности значит найти ключ к тайне личности и поэзии поэта» (В.Белинский).

А Николай Васильевич Гоголь добавлял: «Уделы поэтов не равны. Одному определено быть верным зеркалом и отголоском жизни – на то и дан ему многосторонний описательный талант. Другому повелено быть передовою, возбуждающею силою общества во всех его благородных и высших движениях – и на то дан ему лирический талант...».

Тебе, критик, решать, каков же «удел» каждого из нас и насколько мы «приобщились к традиции», чтобы о нас можно было уверенно сказать как о «звеньях вековой цепи лите-

ратурного развития». Пусть даже и в рамках «вологодской школы».

А ещё я ему говорил, что «одно дело, когда ты пишешь об Астафьеве, признанном мастере, или о Сергее Орлове, и совсем другое – о поэтах, которые вроде бы незаслуженно «выпали» из литературного процесса, но которых ты хочешь в него вернуть...»

Андрей Смолин в ответ на мои предостережения «быть собраннее, убедительнее и осторожнее» отстаивал свою точку зрения. Для него как критика «новаторство современных ему поэтов-земляков заключается в том, как точно они отражают в р е м я! Нашему поколению, пишет он в письме ко мне (01.11.11.), это удалось через боль трагедии русской деревни». Это его главный тезис. И, пожалуй, в нём есть своя правда, с которой нельзя не согласиться.

Перечитал и другие его письма. В них много о том, как он понимает время и свою в нём задачу: «Я много работаю с молодыми Вижу: у них совершенно другой взгляд на «советское» время. Они его просто не знают! (03.06.11). Молодым не нужно литературоведение или «чистая» критика, в которых они мало понимают, а вот интересный рассказ о стихах и прозе – этим ещё можно «пробить» и их» (11.10.11.)

Об Александре Швецове: «По итогам семинара молодых писателей Вологодчины 1973 года его имя – главное открытие. Первая книжка стихов «Крылатый снег» вышла в Москве, в 1979 году. Казалось, широкая дорога в поэзию была Александру Швецову открыта. Но по жизни всё сложилось не так легко, как виделось в самом начале «творческого пути». Александр Швецов, отмечу, был одним из немногих в его поколении, кого можно назвать истинным писателем, человеком подлинной культуры. По нынешним временам это

огромная редкость. Александр Швецов – «Робин Гуд» нашего времени. Нет, скорее всё же – будущего!.. «Стрелы» его стихов, уверен, ещё долетят до сердец читателей!»

О Василии Ситникове: «Стихи В.Ситникова запоминаются правдой отражения жизни, отчасти заменяя ему дневниковые записи. За ними чувствуется бытование настоящего мужчины, чьи взгляды сформировались долгим наблюдением за жизнью районного городка, но какого – Великого Устюга, с его глубиной исторической памяти и культурного наследия...»

О Михаиле Карачёве: «Михаил Карачёв от рождения словно бы причастен к высшей тайне бытия, к русскому космосу. Он пропускает через себя весь объём многовекового хронотопа, вмещающее в себя вселенское время-пространство. В его духовном постижении мира есть напор чего-то высшего, даже – потустороннего...»

О Николае Фокине: «Основа его творчества – это поэтический дневник, судьба, перелитая в стихи. Николаю Фокину досталась тяжёлая доля: стать летописцем русской деревни, если не периода «полураспада», то очевидно далеко не лучших её времён, и этим оставить своё имя в сердцах и памяти людей...»

О Лидии Тепловой: «В её стихах нередко возникают мотивы надрыва, несбывшихся надежд, но поверх этого всегда есть ощущение тепла женского сердца, материнской любви, светлой православной веры. Это проявляется во всём: и в отношении к малой родине, к родным, к детским воспоминаниям, к любимому, к детям, к щенку, к берёзе... Уверен, что мир человека, соприкоснувшегося с поэзией Лидии Тепловой, станет светлее, добрее и шире. А это очень важно в нашем жестком времени...»

О Владиславе Кокорине: «В его творчестве видится глубокая традиция «крестьянской» философии: не просто поминание усопших душ, но и постижение смысла жизни, её космической непрерывности и обязательно с осознанием таинственных сил, характерных для «народного православия». Другая особенность Владислава Кокорина: историзм его мышления. Исторические реалии у него обращены к современности или в будущее, преобразуясь в символику «русского сопротивления».

Критик, осмысливая творчество и судьбы поэтов своего поколения, оговаривается:

«Это не возвращение к кондовости или самоизоляции сословных представлений о мире, тут забота иного плана – высшего: как всё происшедшее и происходящее может отразиться на будущем России-Руси?.. Вот какой историко-философский тезис лежал и лежит в основе раздумий э т о г о поколения! Это нашло отражение и в их творчестве (в разной степени творческого воплощения)...»

Потому и слово Андрея Смолина о поэтах-современниках пока кратко и тезисно и пока не о каждом, а только о тех, кто ему ближе по духу и с кем он лично знаком. Открывать дорогие нам имена он намерен постоянно: «Не ставил я цели всё договорить до конца, это только «затравки» на будущее и для других».

Даст Бог, завтра слово его услышат, и оно пригодится для новых читателей. Главное, что сделан зачин, а за ним, верится, будет и продолжение...

* * *

Да, мы все родом из деревни и потому в жизни у нас много общего – от раннего взросления в трудах крестьянских

до поздних прозрений в чужих городах вдали от родительского дома.

Каждый из нас мог бы сказать, что он, именно он «последний поэт деревни», потому что именно на веку нашем набирал силу трагический исход деревенского люда в города и райцентры – исход добра, любви и духа. Этот исход, как селевой поток, подхватил и нас на перекрестках больших дорог, разбросав без жалости по городам российским и всяем.

Это было наше время, и оно по-своему преломилось в жизни каждого из нас. Эпоха «развитого социализма» и «все-союзных ударных комсомольских строек» была эпохой наших надежд и ожиданий и стала нашей радостью, болью и судьбой.

Такое время уже не повторится никогда, и потому оно, пережитое нами, так учащенно пульсирует в стихах моего поколения – светло и трагично.

Андрей Смолин прав, когда пишет о том, что никто из нас не был избалован вниманием критики. И не потому, что мы его не заслужили. Просто такое на долю нашу выпало время – время очередной российской смуты и крутой смены не только исторических, но и духовно-нравственных ориентиров. Не все, к сожаленью, прошли до конца путь, предназначенный судьбой. Кому-то не хватило сил, кому-то просто удачи и везения. Но мы, ныне здравствующие, никого не забываем.

Это было наше время.

Свидетельством тому и книга Андрея Смолина о поэтах нашего поколения и мои о нём заметки. Надеюсь и верю, что в будущем к их творчеству, в котором звучит голос отзвеневшей эпохи, проявят интерес и критики уже иных поколений, чтобы лучше понять и почувствовать весь драматизм

порубежного времени на стыке старого и нового тысячелетий.

Но и у Андрея Смолина есть ещё время для работы, и он я думаю, много ещё успеет поведать о поэтах, рождённых в пятидесятых годах прошлого века.

За окном конец 2011 года. На днях получил от Андрея письмо:

«Володя, дорогой!

Сейчас оплатил издание книги «Рождённые в пятидесятых...». Значит, можно считать и это дело завершённым. Можно подводить итоги года. А что? Две книги, большая публикация к юбилею нашего СП, статья в сборнике по итогам конференции по Рубцову в Тотме, статья в избранном Сергея Орлова, публикации в райгазетах. Да, ещё личный дневник листов на 8 печатных. Выходит около 20 п.л. Около 20 выступлений на разных уровнях. Много это или мало, что там говорить...

Удовлетворение есть, хотя, конечно, можно было сделать больше. Год для меня был вполне успешный. А планов?! С наступающим Новым годом, сердечно жму руку. Петрович».

У меня в эти декабрьские вечера 2011-го остаётся только одно ему пожелание, чтобы все эти планы у него сбылись и к концу следующего года Андрей Смолин снова не без удовлетворения написал мне, подводя его итоги, – «год для меня был вполне успешный, а планов?!»

Декабрь 2011 года

Андрей Смолин

*

И дольше века длились дни...

(Страницы воспоминаний)

* * *

Написать бы о нём так, как умел он сам, с тем упругим движением каждого слова в коротком абзаце, которое обычно в прозе даётся только поэтам. Но я так не научился. Да, наверное, и не надо. Тут один из его заветов, данных мне этак лет тридцать назад: писать только так, как умеешь, иное от лукавого.

Впервые я увидел Владимира Кудрявцева весной 1983 года. В конце марта в областной газете «Вологодский комсомолец» появилось моё эссе «Чехов или Дюма?..» (название, как потом выяснилось, придумал редактор). А это по тем временам вполне законный дебют начинающего литератора. Запись в моём дневнике того года: «26 марта. Ходил в «Вологодский комсомолец». Говорил с редактором В.В.Кудрявцевым. Приглашают на работу».

Помню, была суббота. Яркий мартовский день. Оттепель. Я шёл в редакцию, местами даже перепрыгивая через лужи на тротуарах. Но в коридоре издательства «Красный Север» было сумрачно, густо пахло свежей краской. Редактор

оказался не в своём кабинете, а напротив – в маленькой комнате ответственного секретаря Александра Торопова. Я назвал, редактор как-то обрадовано протянул свою руку. Разговор состоялся короткий. «Напиши ещё что-нибудь, – сказал Володя, – а там, смотришь, и на работу пригласим».

Всё получилось по-домашнему просто. Через очень короткое время, став своим человеком в «Вологодском комсомольце», я опять поразился тому, что атмосферу почти домашнего уюта создаёт сам редактор. Поначалу это никак не вязалось с моим представлением о редакции влиятельной областной газеты.

В августе 1983 года я поступил в штат газеты «Вологодской комсомолец». Началась бурная жизнь корреспондента газеты. Мы стали видеться почти ежедневно. На третий день, наверное, после оформления на работу выяснилось, что Владимир Кудрявцев взял надо мной негласное шефство. Он как-то настойчиво советовал не слоняться по кабинетам, поменьше болтать на отвлечённые темы. А чтобы не появлялось соблазна на такое времяпрепровождение, стал настоятельно отправлять в командировки. И не «куда глаза глядят», а по закоулкам области, в самые отдалённые районы, куда по тем временам было «только самолётом можно долететь»: Никольск, Вытегра, Устюжна, Великий Устюг... Я быстро сообразил, что это проверка на прочность характера и профпригодность.

Но этим всё только начиналось. Обычно под вечер, когда сотрудники расходились по домам, редактор зазывал меня к себе: «Зайди, поговорим». Володя тогда много курил, кабинет был обычно в завесе сигаретного дыма, но мне, страстному курильщику табака, это казалось в порядке вещей. Володя не правил стилистику, хотя что-то вычеркивал беспощадно и

уверенно, но иногда вдруг зачитывал неудавшийся абзац, советуя тут же предложить другую трактовку. Но не было, кажется, случая, чтобы текст не доводился до нужной кондиции.

Отчётливо запомнился такой случай. В феврале 1984 года скончался генсек Юрий Андропов. Наш редактор отправил меня на траурный митинг на заводе «Дормаш» Вологды. Мой репортаж начинался так: «Чёрным крылом скорби накрыло нашу страну...». Владимир Валентинович читал-читал, а потом как-то кисло-кисло усмехнулся: «Так уж и «чёрным крылом»... Но, кажется, так и не вычеркнул эту пошловатую велеречивость.

И таких примеров осталось в памяти много.

Довольно быстро наши вечерние посиделки переросли в дружбу. Какой-то, по-видимому, новый 1985-й год, мы с моей женой Ирой встречали в кругу семьи Кудрявцевых. После «обязательной программы», положенной в таких случаях, отправились на прогулку, где вдруг Володя предложил показаться с ледяной горки. Какой в нём проявился деревенский парнишка, с азартом и с посвистом слетавший с горки прямо в сугроб. Ох, и вывалились мы тогда все в снегу! Знала бы детвора, столпившая вокруг, что с горки катаются редактор и сотрудник областной газеты... Но мы об этом из скромности умолчали.

А как-то мы поехали на репортаж о футбольных соревнованиях. В перерыве матча Володя упросил какого-то тренера дать ему мяч «попинать по воротам». Оказалось, что у него вполне, как говорят спортсмены, поставленный удар, он с детской радостью бил мячом по воротам, редко и промахиваясь. Тут выяснилось, что футбол – одно из увлечений школьных лет. Володя играл нападающим, кажется, за сборную старшеклассников посёлка Сусанино Костромской области.

Забегая далеко вперёд в своих воспоминаниях, расскажу ещё один подобный случай. Лет семь или восемь назад поехали мы писательской делегацией на литературные чтения памяти поэта Александра Романова в село Воробьёво Сокольского района. После торжеств и искренних слов о поэте, отправились на реку Двиница. И вот представьте такую картину: прямо в реку ставят стол, а рядом по пояс в воде располагаются Володя и краевед Сергей Белов и начинают пить чай... Так мне запомнилось, хотя другие очевидцы утверждают, что на столе стояло что-то покрепче. Но Володя? Эх, каким разудалым русским купчиком увиделся он мне в эти минуты! Это, как считают психологи, и есть тот «разрыв шаблона», когда многолетний друг открывается с неожиданной стороны. Кто бы в такую минуту поверил, что перед нами поэт, прозаик, отличный журналист! Да с ним кроме как о «дебете-кредите» и говорить не о чем...

* * *

Но вернусь в 1983-й год. В те далёкие уже времена мы часто говорили о газете. Казалось, он проверяет на мне какие-то свои замыслы. Ведь Володя в тот год тоже стал газетчиком «начинающим», его утвердили на должность редактора в конце 1982 года, переведя из молодёжной редакции Череповецкого телевидения. Я же для него по-прежнему являлся простым читателем, хотя и с некоторыми литературными способностями.

С годами я понял, как мне теперь думаю, манеру мышления Володи. Он не любил обывательской болтовни, чурался откровенных сплетен, но каждую полезную для газеты информацию считал важным облечь в объёмную мысль, разложить её по полочкам, найти самый верный способ донести её

до читателя. Другими словами, Володе всегда была интересна многогранность мысли, а не её прямолинейность.

Что Володе хотелось изменить в газете? Прежде всего, добавить художественности, если хотите – литературности в статьях и очерках. Надо было ломать стереотипы мышления не только журналистов, но и читателей. Это было особенно заметно, когда редактор надолго отлучался: в отпуск ли, в командировки ли. Тут выяснялось, что каждый «и.о. редактора» газету начинал делать по своим лекалам. И почему-то всегда получалось хуже, чем при Владимире Кудрявцеве.

Он не признавал суконного языка, каких-то трафаретных композиций в подаче материала. При нём заблистали во всей красе наши очеркисты: Нина Веселова, Анатолий Ехалов, Юрий Мацнев, Светлана Зайцева, Вера Маленькая, а потом Дмитрий Шеваров и Леонид Парфёнов. Добротный очерк, особенно на деревенские или нравственные темы, ценился им намного выше, чем проблемная статья о работе райкома комсомола. Но тираж газеты стал падать. Володю это огорчало больше всего.

И всё-таки Володя не сдавался. Ему стало тесно в малоформатной газете. В году 1984-м пронёсся слух, что областные «молодёжки» переведут в статус еженедельников. Тогда появился прообраз этого решения – «Собеседник», как приложение к «Комсомольской правде». Наш редактор тут же стал составлять какие-то планы, направлять запросы в ЦК, чтобы ему разрешили в порядке эксперимента сделать молодёжный еженедельник на уровне области. Он долго «болел» этой идеей. (Даже свою диссертацию в Академии общественных наук готовил по теме о молодёжных еженедельниках.) Но в ЦК комсомола упорно молчали, видимо, хотели убедиться, что нововведение не нарушит систему комсомольского политпросвета.

* * *

Впрочем, он искал и другие формы работы «пропаганды и агитации». Однажды я предложил ему что-то вроде выездной редакции в одно из ПТУ области (сейчас не помню и какое). Он живо ухватился за эту идею, казалось бы, побочное для газеты дело. Назвали – «Уроки русского». Владимир Валентинович сам собирал «бригады» выступающих. Тут я не в первый ли раз поразился: какой большой у него круг общения! Это удивило тем, что он не был коренным вологжанином. Он тогда только-только и перебрался-то в Вологду. А тут: художники, литераторы, композиторы, барды, ветераны труда и войны оказались его друзьями или добрыми знакомыми.

Дело осложнялось тем, что говорить обо всём было нельзя. Однажды даже был такой скандалчик. Михаил Сопин, поэт сложной судьбы и резких взглядов на жизнь, прочитал какое-то стихотворение на тему трагической судьбы русского народа. Тут взвилась замполит профтехучилища: «Не надо этого нашим детям!» Владимир Валентинович долго о чём-то с ней разговаривал в сторонке от нас. И, наверное, убедил её в правомерности такого выступления. Он умел убеждать, если считал себя правым.

При этом никогда я не видел его сильно раздражённым, крикливым, «стучащим кулаком по столу». Больше всего он умел убеждать своим примером. В жизни я знал всего лишь несколько изрядных тружеников. На мой взгляд, Владимир Валентинович был одним из них. Нет, он признавал и весёлые вечера, не являлся, как говорится, и «врагом бутылки». Но если надо для дела, то он всегда собран, сосредоточен, упорен в достижении своей цели. В нём жила коренная черта крестьянского сына: «сначала хлеб посеи, а потом веселись».

И сколько раз было: мы, позабыв про все свои обязанности, уже бражничаем по поводу и без повода, а он упорно и истово страницу за страницей пишет своим мелким витиеватым почерком очередной материал для газеты.

Тут живо вспоминается такой пример. В конце июля 1985 года Владимир Кудрявцев поехал в составе делегации Вологодчины на Всемирной фестиваль молодёжи и студентов в Москве. Так получилось, что я чуть ли не в одиночку остался на редакционном хозяйстве: время отпусков, почти никого в редакции и не оказалось. И помимо всяческих редакционных дел, мне было поручено каждое утро связываться с Володей по телефону, чтобы принять его репортаж о событиях фестиваля. Приходить на работу надо было к 6 часам утра, ибо у него-то там, в Москве, день расписан по минутам (а ведь были ещё и бессонные ночи, наполненные встречами с другими делегациями). Но все шесть дней фестиваля, он каждое утро диктовал мне свои заметки, хотя чувствовалось по голосу, что давалось ему это с большим трудом. Обязательность – это одна из главнейших черт его характера.

Другой его чертой истинная любовь к «простым» людям. Помню, собрались на какой-то праздник у него дома, наверное, его тридцатый день рождения. Неожиданно приехал его товарищ из Череповца, рабочий металлургического комбината. И было видно, как Володя потянулся в первую очередь именно к нему, рабочий человек был ему интересен больше, чем все мы, его друзья-коллеги по работе.

В тот вечер затеялся спор о роли рабочего класса и интеллигенции в развитии общества. Кто-то был на стороне «гегемона», кто-то убеждал в необходимости высокой миссии людей умственного труда. Но Владимир Валентинович, отдав должное роли интеллигенции, всё-таки склонялся к выдаю-

щейся роли рабочего класса в развитии советского общества (понятно, что слова произносились другие, я передаю лишь смысл сказанного). И мне не думается, что это было одним из уроков диалектического материализма, усвоенного Володей в Ленинградском университете. Это являлось, как мне кажется и теперь, его образом мышления.

Вот и в редакции он выделял не журналистов, пусть и самых талантливых-расталантиливых, а машинистку Галину Николаевну Вербице, одну из легенд литературной жизни Вологды второй половины двадцатого века (она печатала рукописи многих видных писателей того времени, являясь первым читателем их произведений). И... фотокорреспондента Олега Кононенко, незаменимого напарника в командировках Владимира Валентиновича. Помню, как глубоко горевал Володя, когда Олег трагически погиб, поздним апрельским вечером 1987 года угодив под поезд...

* * *

Когда мы стали часто ездить по районам на редакционной машине, Володя старался кого-то из нас отправить в райком, а сам отправлялся куда-нибудь в колхоз или на стройку: «Вы там сами, а я с мужиками поговорю». По должности он должен быть бы чиновником, каждый понедельник отправляющимся в обком комсомола на планёрку в строгом костюме и при галстуке. Но как раз «чиновничье» обличье ни в образе жизни, ни в манере мыслить к нему не приставало никогда. Ну, какой в самом деле из него чиновник...

А между тем получилось так, что я вольно-невольно втянул его в чиновничью упряжь. В 1989 году я и поэт Михаил Карачёв были избраны депутатами областного Совета народных депутатов. Меня утвердили председателем комис-

сии по делам молодёжи, а Михаила Ивановича председателем подкомиссии по культуре. Когда формировался новый облисполком, выяснилось, что именно нам надо предложить кандидатуру на пост начальника областного Управления культуры.

Владимир Валентинович в это время учился в Москве, в Академии общественных наук при ЦК КПСС (в те времена с его талантом он вполне мог сделать блестящую журналистскую карьеру в столице, к тому были все предпосылки). По каким-то делам я позвонил ему в Москву. Попутно рассказал о текущих проблемах на депутатском поприще. Спонтанно у меня появилась мысль: а, может быть, тебе попробовать? Волею оставался ещё год учёбы до защиты кандидатской диссертации, уже почти написанной к тому времени. Он подумал немного, а потом ответил: «Почему бы и нет?».

Это явилось одним из поворотных моментов его биографии. Началась сложная «подковёрная» суতোлока, кандидатов было несколько, и людей достойных, настоящих управленцев культуры. Владимир Валентинович всего этого не любил, прямо-таки сторонился. Но мы с Михаилом Карачёвым проявили настойчивость и убедили товарищей по депутатскому корпусу, что именно Владимир Кудрявцев и есть лучший из лучших.

Мне трудно судить, благо ли для Владимира Валентиновича мы сотворили или нет. Спустя какое-то время мы снова стали работать в одном здании – бывшего обкома КПСС на Пушкинской улице. Он на седьмом этаже, а я на четвёртом – в редакции газеты «Русский Север». Иногда я поднимался на лифте к нему, иногда он заходил ко мне. После каких-то откровенных разговоров оставалось впечатление, что не всё у него ладится: чиновничья среда не являлась поначалу его родной стихией.

Не раз довелось слушать его отчёты на сессиях областного Совета. Но это не были отчёты в точном смысле этого слова. Хотя, понятно, он и использовал статистику, находил свои факты и аргументы. Но это, как мне представлялось, была откровенная публицистика, размышления о том, какой должна и может быть областная культура, если к ней приложить средства и усилия работников управления культуры.

Мало-помалу Владимир Валентинович втянулся и в многотрудную работу управленца культуры. Он уже с гордостью показывал сигнальные экземпляры могучей серии «Старинные города Вологодской области», в главной редколлегии которой он состоял многие годы. Наверное, инициаторами серии являлись учёные-историки и краеведы, но без поддержки Владимира Кудрявцева она едва ли состоялась в таком объёме и географическом размахе, какой стала в итоге.

Однажды вышли мы вместе из здания на Пушкинской, а он вдруг приглашает пойти в филармонию. То, что я увидел, не поддавалось описанию: разобранные полы, побитые стёкла, обшарпанные стены... Одним словом, разруха. А глаза Володи горели: «Ещё год, от силы полтора и это будет самое лучшее здание культуры в области!».

В другой раз повёз он меня в Ферапонтово, чтобы показать фрески Дионисия. Музей тогда был на консервации, посетителей не пускали. Но для начальника управления культуры сделали исключение. В том смысле, что он и приехал решать какие-то технологические задачи, чтобы поскорей музей стал доступным для народа. Года через три или четыре я снова попал в Ферапонтово. Стало очевидно: какая большая реставрация там проведена. И, естественно, при непосредственном участии Владимира Кудрявцева.

Обо всём этом, наверное, подробно расскажут другие его соратники, кто был рядом с ним в те годы.

Впрочем, в работе начальника управления культуры была и обратная сторона медали. Бесконечные презентации, премьеры, вернисажи, фестивали, приём гостей со всех сторон света, постоянные командировки и поездки по области, по стране и по миру требовали поистине богатырского здоровья.

Как казалось со стороны, оно у Владимира Валентиновича было изначально крепким. Но вдруг пошли и настораживающие известия: то ему вживляли сердечный стимулятор, то вдруг повышался сахар в крови, то барахлили печень или почка... Володя только изредка что-то говорил о своих болезнях. На какие-то дружеские вопросы по поводу здоровья отмахивался: а, пройдёт!.. Была ли в этом простая беспечность человека, привыкшего всего себя отдавать делу? Наверное, так. Но в тайне ото всех (а мы с ним об этом говорили), его поддерживала уверенность, что главное в жизни сделано добротнo, прочно, основательно, как крестьянский дом.

Это главное – состоявшаяся полноценная судьба! Владимир Кудрявцев едва ли обманывался на этот счёт. Он знал вершины своих личных и общественных достижений.

Его чиновничья карьера длилась больше десяти лет. Главной причиной отставки с должности стало пошатнувшееся здоровье Володи, что известно, как говорится, из первых уст. Как мне кажется, прав Владимир Панцырев: «Володя был честный и добрый человек с тонкой и ранимой душой. Это питало его поэзию, но мешало в работе. Он – в первую очередь поэт – при любой власти всегда был «птицей с белыми крылами» среди чиновников и в одиночестве мучился от того, что иногда приходилось совершать по долгу службы. А это

отнюдь не на пользу здоровью физическому... Злая закономерность человеческой популяции: душевно чистые люди уходят раньше – кто в запой, кто навсегда».

* * *

Но как же теперь быть нам?

Что открылось с его уходом таинственного и безбрежного, чего мы не знали при его жизни? И в нём, и в его судьбе... Ведь он был весь на виду до тех известных пределов души, куда, понятно, уже никто не допускался. М.Пришвин писал: «...поэзия... рождается в простой, безобидной и неоскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей даже и не подозревает. Настоящая поэзия потому так редка и так в конце концов высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха...»

Владимир Кудрявцев редко называл себя поэтом. Видится в этом не только его природная скромность, очевидно и явно присущая ему, но и та высокая степень защищенности от чужих посягательств как раз в те сферы, где поэзия рождалась, переливаясь потом в словесные оболочки. И сколько бы ипостасей мы не припишем ему теперь: журналист, поэт, деятель культуры, прозаик, эссеист, одна из них неизменно превыше всего – поэт!

Его имя давно вошло в русскую литературу (в её «вологдско-костромскую» ветвь), но вольно-невольно мы, его «соседи» по времени и по судьбе, скорее по инерции всё ещё спрашивали себя: что же это за явление такое в русской поэзии – поэт Владимир Кудрявцев? И думается, что ответов-то ясных и четких найти не так легко: требуется опыт не только

филологический, но и подлинное знание традиций русской поэзии, её глубинных истоков. По сложившейся практике выстраивания всяческих ранжиров, Владимира Кудрявцева числили продолжателем поэзии Александра Яшина, Николая Рубцова, Александра Романова, Сергея Чухина, Виктора Коротяева... Но согласился ли бы он безоговорочно принадлежать к этой мощной традиции, памятно сложившейся на Вологодчине в 1960-е годы?

Вся его биография, как казалось бы, только подтверждает приверженность к этой традиции.

Живу не на окраине —
На Севере Руси.
Мои в снегах проталины,
Моя на небе синь...

В каком селе — угадывай
Живу у светлых вод.
Под домотканой радугой
У клюквенных болот...

Действительно, крестьянский сын Владимир Кудрявцев с молодых лет впитал в себя дух русской сельщины, познал глубину деревенской жизни, ощущал в себе исторические корни русского общинного бытия. Это влилось в него, как говорится, с молоком матери, укреплялось воспитанием дедов и бабушек (да и всей многочисленной родни) в раннем детстве, ностальгически поддерживалось в те времена, когда после учёбы в Ленинграде он решил не возвращаться на «малую» родину, выбрав местом жительства Вологодчину.

Литературная Вологда – суровое испытание для каждого литератора, причастного волею судьбы к ней. Немногие, ох, немногие (и таланты истинные) выдержали здесь экзамен на звание русского поэта. Но Владимир Кудрявцев, по-крестьянски основательно, как бы исподволь, шёл своей дорогой, намеченной как-то давно, ещё в отроческие годы, когда стали складываться первые рифмованные строчки... Его никогда не бросало в поэзии из стороны в сторону в «поисках себя» или в «экспериментах с формой стиха». Ему было чуждо и слепое подражание любым прославленным в литературе именам, хотя какие-то влияния в «ранней» поэзии при желании можно и найти.

Сегодня суть уже не в этом.

* * *

Теперь необходимо отчётливо видеть те стержневые направления в поэтическом наследии Владимира Кудрявцева, которые он сам и обозначил в названиях глав этой книги: Дом, Россия, Мир, Вселенная... Для Владимира Кудрявцева – это не просто общепринятая символика, которой пользовались многие другие русские поэты разных эпох, особенно, выходцы из крестьянского сословия. Это те тектонические круги расширения собственного мировосприятия, которые он постигал самостоятельно, по-своему определяя особенности каждого из этих многомерных понятий.

Как представляется, главным стержнем в поэзии Владимира Кудрявцева является образ Дома! Он возвращался к нему до конца своих дней, варьируя его осмысление на разных этапах своей жизни. Действительно, для него многое в судьбе началось в крестьянской избе деревни Попово Костромской области, где он сделал первые шаги и произнёс первые слова.

Его память удивительным образом сохранила те начальные годы жизни, если даже через много-много лет, взявшись за прозу, он в мельчайших подробностях восстановил деревенский быт, судьбы родных людей разных поколений и своих односельчан. Из костромских мест идёт и та бесконечная любовь к русской природе, которую он так смог живописать в своих стихах, что это уже становится одним из «фирменных знаков» его поэтического наследия.

Из деревни Попово идёт и исток трагедийности его мировосприятия (и в целом-то характерный для поэтов поколения Владимира Кудрявцева), которые в «массовом порядке» покинули свои родные деревни и сёла, чтобы продолжить бытование на земле уже горожанами в первом поколении:

Нет деревни. И дом мой сожгли.
Зарастает травой дорога...

Тут стоит перечитать его поэмы, особенно, «Моё поколение», «Исход», «Конец века», чтобы понять в судьбе самого поэта и многих его сверстников всю глубину трагедии «сожжённого дома» и «потерянного пути». Эта тема позволила Владимиру Кудрявцеву подняться до высот исторического осмысления сложнейшей и противоречивой эпохи распада его изначально родной страны – Советского Союза; а потом осознать трудности обустройства страны иной – «новой» России.

Но в понятие «Дом» у Владимира Кудрявцева входила и тема развития самой русской жизни. Тут он традиционен, последовательно устойчив в поведенческих правилах земного бытования, что кто-нибудь сочтёт его за подлинного «консерватора». Как это и находим у многих «крестьянских» поэтов, в его систему ценностей человека и поэта входили семья,

повседневный труд, искренняя забота о близких, ощущение кровных связей от ушедших прадедов до внуков и правнуков, истинный патриотизм, любовь к своей Отчизне... А ведь это происходило на фоне разрушения многих традиционных ценностей, которые привнесла в Россию новая эпоха возвращения частнособственнического экономического «базиса». Но:

В одной цепи сомкнулись звенья –
Распада миг и миг творенья.
В отпущенные Богом дни
Над нами властвуют они...

Это понимание сцепления многих и многих звеньев в судьбе каждого человека и всего народа (а шире – и человечества) – тоже одна из стержневых черт его поэзии.

Истинный поэт всегда отражает своё время. Владимир Кудрявцев с первых шагов в поэзии стал выступить не как разрушитель истинных ценностей жизни, что давно примеряли и примеряют на себя многие «модные» поэты (особенно теперь – в эпоху литературного «постмодерна»), а именно как создатель, утверждающий эти ценности в повседневную жизнь.

Кому-то, может, широка,
А нам так в самый раз.
В ней и живём ещё пока
Мы без весов – на глаз.

Кому-то, может, звук пустой,
Но возвышаюсь я,
Услышав древний – с хрипотцой
Державный звон Кремля.

Кому морозно – нам тепло
И в пору лютых стуж.
Нам и во мгле всегда светло
От светоносных душ.

Многие ли бы сегодня рискнули, например, использовать образ древнего Кремля в качестве символа России? Ответьте на этот вопрос без всяческой иронии, тогда и поймёте направление поисков поэта. В том-то и дело! А ведь это мощнейшая традиция самой высокой русской поэзии, которая никогда не растворялась в посылах узковременной «идеологии», а умела находить истоки исторического сознания русского народа, в котором, к слову, Московский Кремль был и остаётся одним из важнейших символов нашей Державы.

Таких примеров в творчестве Владимира Кудрявцева можно привести предостаточно.

* * *

Владимир Кудрявцев был не только русским поэтом, но и русским человеком! Немного доводилось встречать людей, к которым оправданно можно применить слова Ф.М.Достоевского: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей... а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Тема эта сложная, простым «набегом» мысли её сейчас не разрешить, но сказать несколько слов необходимо. Близкие к Владимиру Кудрявцеву люди знают, каким сложным путём он пришёл к тому, что я, например, не рискую назвать словом

«Бог», но обозначу, как «таинственные силы» (Рубцов). Попробую намекнуть на это через такую стихотворную цитату:

Какое чудо – Божий мир.
Я сам, как чудо, в мире этом!
Бегу, пока хватает сил,
Навстречу солнышку и ветру...

Тут надо обратить особое внимание на цикл стихов, датированных 2012 и 2013 годами. Дело в том, что это маленькая часть последнего поэтического замысла Владимира Кудрявцева, который в полном объёме будет опубликован позднее. Я не знаю другого такого примера, когда поэт «заставил» себя писать стихи каждый день целый год. Случилось это после первой операции, давшей, по-видимому, ответ на природу его роковой болезни.

В одном из писем ко мне Владимир Кудрявцев признался, что если бы не это обстоятельство, он по доброй воле никогда бы не пошёл на такие испытания поэтического воображения, но сейчас этот цикл стихов даёт многие ответы на духовные искания последних лет его жизни. Наверное, это с особой полнотой отразилось в стихотворении «Памяти Белова».

Владимир Валентинович во время отпевания великого писателя стоял, прислонившись к своду верхнего храма кафедрального собора Вологды, стоял отрешенно, будто бы не замечая ничего вокруг. Но прощался ли он в те минуты только с Василием Ивановичем, кто теперь узнает?..

Он землёю был возвышен,
И унижен был на ней.

Что ему открылось свыше
На исходе сил и дней?

Глубока ты скорби чаша.
Мгла царит, где правил свет.
Он ушёл, не всё сказавши,
Не на всё найдя ответ.

Грешным, нам не отмолиться.
Всё больней, тесней в груди.
Он предвидел, что случится,
Знать бы нам, что впереди?..
05.12.12.

Конечно, последний цикл Владимира Кудрявцева включает в себя разнообразные настроения, но нет там, пожалуй, только хандры или жалости к себе, что, возможно, в его состоянии могло бы быть оправданным решением творческой задачи. Зато теперь стихи последнего цикла мы воспринимаем как завещание, как его «последнее слово» о земном бытии.

Опять-таки, мало кто знает, что последние годы жизни Владимир Кудрявцев посвятил изучению творчества большинства писателей Вологодчины (а получилось по его словам несколько томов таких очерков), которые сам назвал «Колокола литературной звонницы». И когда этот итог титанического труда выйдет в полном объёме, то мы узнаем и новые грани не только поэта Владимира Кудрявцева, но и талантливого эссеиста-критика. Это же относится и его огромному эпистолярному наследию и дневникам, которые он вёл на протяжении всей творческой жизни.

Словом, нас ожидает долгая посмертная судьба большого русского поэта и прозаика Владимира Кудрявцева... К сожалению, как часто в русской литературе она оказывается намного счастливей, чем судьба прижизненная. Как сложится «новая жизнь» Владимира Валентиновича будет зависеть от всех, кто знал его в этой жизни, кто будем помнить о нём до конца дней своих.

Декабрь 2013 года.

ЗРИМАЯ

Фото из архивов Дмитрия Шеварова
и Андрея Смолина

ПАМЯТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия.	
Вдвоём у печки (Дмитрий Шеваров)	3
Владимир Кудрявцев.	
Куда уходит время?	
(Заметки о творчестве Андрея Смолина)	7
Андрей Смолин.	
И дольше века длились дни	
(Страницы воспоминаний)	30
Зримая память	50

Формат 70x100/32. Тираж 120 экз. Заказ 1143.
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

